

В.С. Собкин, М.В. Ваганова

Российский подросток: жизненные перспективы и страхи

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ по проекту № 05-06-06256а

Статья основана на материалах социологического опроса 2108 московских школьников 9-х и 11-х классов, который был проведен ЦСО РАО в марте-апреле 2005 г. В целом данное исследование продолжает в значительной своей части программу по изучению подростковой субкультуры (Собкин В.С. и др., 1988; Собкин В.С., Писарский П.С., 1992, 1994), где особое внимание уделяется анализу жизненных планов и ценностных ориентаций учащихся. Один из сюжетов исследовательской программы касался оценок подростками успешности реализации своих жизненных планов и тех жизненных угроз, которые вызывают у них наибольшие опасения. Следует отметить, что те же вопросы о жизненных планах и угрозах задавались нами московским школьникам в опросе, который был проведен десять лет назад (Собкин В.С., 1997), что позволяет сопоставить ответы подростков двух разных поколений. Подобное сравнение мнений учащихся разных поколений представляется крайне важным и существенным поскольку дает возможность охарактеризовать общие тенденции в изменении восприятия социальной ситуации. Предваряя статью, стоит, пожалуй, ответить на возможный вопрос: «А почему, собственно, для оценки социальной ситуации так уж важно мнение подростка?». В качестве ответа заметим, что именно этап подростничества, характеризующийся устремленностью в будущее; этап, связанный с построением жизненных планов, заставляет подростка быть особенно чувствительным к тем совре-

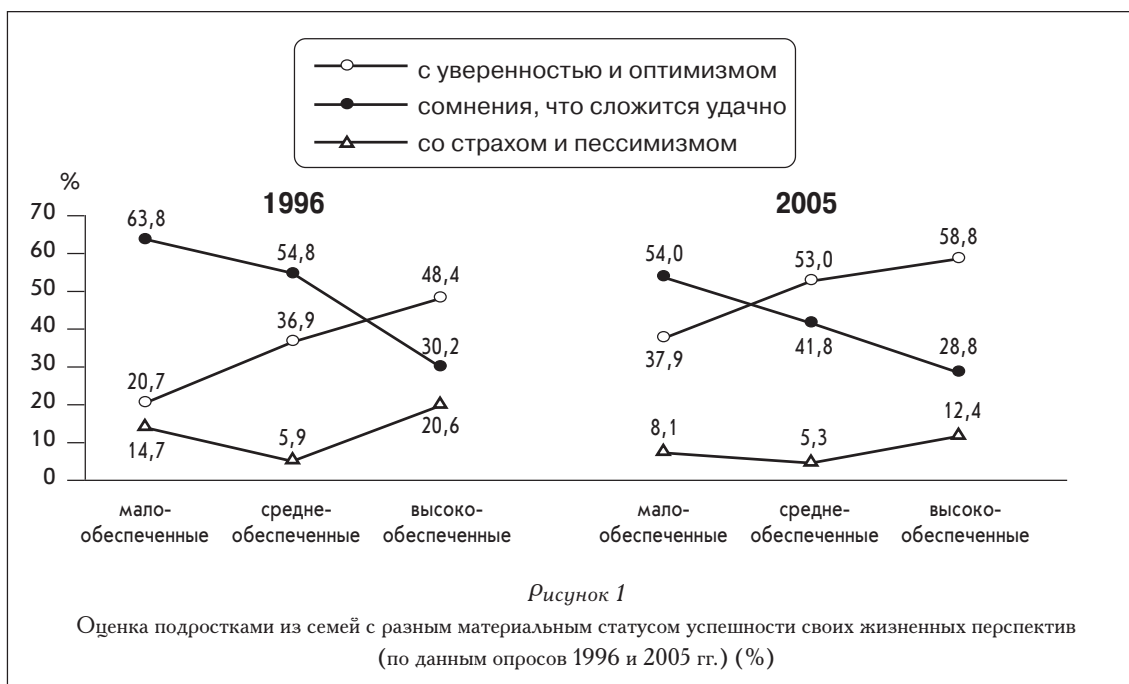
менным жизненным угрозам, которые фиксируются массовым сознанием. И в этом отношении подростковое сознание выступает важным индикатором для понимания современных социокультурных реалий в целом.

«Жить стало лучше, жить стало веселей»

Сравнивая результаты опросов 1996 и 2005 гг., отметим, что за прошедший период весьма существенно увеличилась группа тех подростков, кто «с уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день»: с 34,8% до 51,0% (различия статистически значимы на уровне $p=.0001$). Параллельно уменьшилась доля подростков, «сомневающих в том, что их жизнь сложится удачно»: в 1996 г. таких было 53,4%, а в 2005 — 42,5% ($p=.0001$). В то же время число явно негативно оценивающих свои будущие перспективы («со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня»), оказалось весьма устойчивым и не изменилось за этот период, соответственно: 7,5% и 6,5%.

Особый интерес здесь представляет рассмотрение влияния социально-стратификационных факторов. Анализ полученных данных показывает, что материальный статус семьи играет существенную роль при оценке подростком своего будущего. Причем эта тенденция устойчива и проявляется как в 1996, так и в 2005 г. (см. рисунок 1).

Как видно из рисунка, по мере улучшения материального статуса семьи последова-

тельно снижается доля тех, кто сомневается в успешности своих жизненных перспектив. Характерна и обратная тенденция: чем выше экономический статус семьи, тем выше доля оптимистов, уверенных в своем будущем.

Наряду с общими тенденциями проявляющимися в этих двух опросах можно отметить и одно весьма заметное отличие. Так, если в опросе 1996 г. фиксировались статистически значимые различия в ответах школьников из среднеобеспеченного и высокообеспеченного слоев, то в опросе 2005 г. подобные различия отсутствуют. Иными словами, относительно «уверенности и оптимизма» в оценке жизненных перспектив подростки из среднего слоя как бы «подтянулись» к в высокообеспеченному слою.

Помимо отмеченных выше моментов, важно также обратить специальное внимание и на характер ответов школьников относительно последнего варианта, который фиксирует «страх и пессимизм» в оценке подростками своих будущих перспектив. Как мы видим, доля тех, кто выбирает этот вариант ответа, заметно выше в низкообеспеченном и высокообеспеченном слоях по сравнению со среднеобеспеченным слоем. Причем эта тенденция отчетливо проявляется и в опросе 1996 г. и в опросе 2005 г. Таким образом, наиболее неуверенными

оказываются подростки из «крайних» экономических групп: либо очень бедные, либо очень богатые. Понятно, что основания для пессимизма и неуверенности здесь совершенно разные: если подростки из низкообеспеченного слоя пессимистически оценивают будущее, исходя из реальной оценки своего экономического положения, то пессимизм школьников из богатых семей связан, скорее всего, с опасениями потерять свой экономический статус. На наш взгляд, подобная тенденция внешне сближающая ответы подростков из бедных и богатых семей, во многом и характеризует своеобразие и специфику российского общества в эпоху кардинальных экономических и социальных перемен. Повторимся, низкими слоями существующая реальная ситуация оценивается как «безнадежная», а высокообеспеченные испытывают страх перед угрозой «все потерять». В этом отношении именно среднеобеспеченный слой чувствует себя психологически более комфортно.

Приведенные выше данные показывают, что оценка подростками успешности своих жизненных перспектив существенно определяется материальным статусом семьи. При этом подчеркнем, что в данном случае, говоря о материальном статусе семьи, мы имеем дело не с объективными показателями мате-

риального статуса (уровень реального дохода в денежном выражении, имущественное положение и т.п.), а именно с *самооценкой*, отнесением подростком своей семьи к соответствующему социальному слою. Именно эта *самооценка экономического статуса* и коррелирует с эмоциональной оценкой подростком *успешности* своих жизненных перспектив. В этой связи следует обратить внимание на те различия, которые касаются непосредственно самооценки материального статуса в опросах 1996 и 2005 гг. Анализ ответов показывает, что по сравнению с 1996 г. в опросе 2005 г. заметно снизилась доля тех школьников, кто относит себя к малообеспеченным: с 26,0% до 15,1% ($p=.0001$). Параллельно увеличилось число тех, кто причисляет себя к среднеобеспеченным, соответственно: 62,3% и 70,4% ($p=.0001$). Число же подростков, указывающих на то, что они принадлежат к высокообеспеченным семьям, фактически не изменилось, соответственно: 7,9% и 8,5%. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что именно изменение в самооценке собственного экономического статуса и выступает как то базовое основание, которое влияет на эмоциональную оценку подростком успешности своих жизненных перспектив. И в этой связи мы можем пояснить тот основной результат, который мы фиксируем, сравнивая результаты опросов: «оптимистов» стало больше, поскольку увеличилось и число подростков, относящих себя к среднему слою.

Завершая этот раздел, заметим, что, помимо экономического статуса, на позитивное отношение подростка к своему будущему оказывает влияние и уровень образования его родителей. Так, если среди подростков оба родителя которых имеют высшее образование 57,1% «с уверенностью и оптимизмом смотрят в завтрашний день», то среди подростков оба родителя которых имеют среднее образование, таких 44,8% ($p=.01$). Схожая тенденция, но менее явно выраженная, наблюдалась и в предыдущем опросе 1996 г. (соответственно: 40,8% и 33,6%), однако тогда статистически значимых различий между этими двумя группами респондентов не обнаруживалось. В этой связи стоит, пожалуй, отметить, что наиболее явное увеличение оптимистически наст-

роенных школьников за прошедшие десять лет обнаруживается именно среди детей из семей с высоким уровнем образования. Однако здесь важно обратить внимание на то, что те респонденты, которые отмечают сегодня высшее образование своих родителей, преимущественно указывают и на иную поколенческую когорту родителей, по сравнению с опросом 1996 г. Иными словами, родители сегодняшних старшекласников это, как правило, те, кто получал высшее образование в середине 80-х, а не в 70-е, как это было при опросе учеников в 1996 г. Родители сегодняшних школьников это как раз та возрастная когорта, которая вошла в профессиональную деятельность именно на этапе перестройки, в ситуации экономической и ценностно-нормативной неопределенности. И, как мы видим, именно эта когорта людей с высшим образованием (если судить по ответам их детей) более успешно справилась с ситуацией нестабильности, чем более старшая по возрасту когорта специалистов с высшим образованием. Заметим, что этот вывод о более успешной адаптации генерации специалистов с высшим образованием сделан нами на основе косвенных данных по ответам их детей, оканчивающих сегодня общеобразовательную школу. В целом приведенные в этом разделе данные позволяют сделать вывод о том, что происходящая в течении последних лет социально-стратификационная дифференциация (как по материальной обеспеченности, так и по образовательному статусу) явно усиливает «оптимизм» подростков именно из семей с более высоким социальным статусом. Таким образом, рост социальной дифференциации ведет к тому, что сильные (средний и высокообеспеченный) слои «явно уходят в отрыв» не только по объективным, формальным показателям (уровень дохода, социальный статус), но и по социально-психологическому самочувствию в оценке успешности своего будущего.

Будущее «туманно» для слабых

Здесь мы обсудим результаты ответов подростков на вопрос о том, насколько *отчетливо* они представляют себе свое будущее.

Респондентам предлагались четыре варианта ответа, фиксирующие, с одной стороны, степень отчетливости/неопределенности их планов, а с другой, их ориентации на разные жизненные стратегии: ситуативное поведение и проблематизацию своего жизненного самоопределения. Сравнительные данные по опросам 1996 и 2005 гг. приведены в таблице 1.

Как мы видим, число старшеклассников, ориентированных на ситуативную стратегию поведения («предпочитают думать о сегодняшнем дне») и тех, кто не определился в своих жизненных планах («мои жизненные планы на сегодня не определены») в 2005 г. осталось на том же уровне, что и в 1996. В то же время явно увеличилось число подростков «отчетливо представляющих свое будущее» и, сократилось число тех, кто «не может самоопределиваться». Иными словами, мы фиксируем явно выраженную тенденцию *падения неопределенности* при планировании своего будущего у нового поколения старшеклассников. Таким образом, если в середине 90-х социальное самоопределение подростка формировалось в ситуации ценностно-нормативной неопределенности, что отражалось и на его жизненных планах, то сегодня сама «неопределенность» уже входит как своеобразная социальная константа общего жизненного контекста, как та его особая модальность, которая и характеризует современную социально-экономическую реальность России. В этом отношении увеличение числа подростков, «отчетливо представляющих

свое будущее», можно объяснить именно учетом этой «поправки на изменения», которые стали «привычны».

Сравнение ответов мальчиков и девочек в опросах 1996 и 2005 гг. показывает, что в обоих опросах проявилась сходная тенденция: девочки заметно чаще выбирают вариант ответа, фиксирующий психологическую озабоченность своим будущим: «думаю о своем будущем, но не могу определиться». В опросе 1996 г. этот вариант выбирали 41,7% девочек и 29,4% мальчиков ($p=.0001$), а в опросе 2005 г. соответственно: 34,3% и 24,4% ($p=.0001$).

Достаточно характерны и возрастные различия. Так, если в 1996 г. возрастная динамика в ответах учащихся 9-х и 11-х классов не фиксировалась, то в опросе 2005 г. к 11-му классу по сравнению с 9-м увеличивается число тех, кто отмечает отчетливость представлений о своем будущем: с 24,7% до 29,1% ($p=.05$). Сравнение результатов двух опросов дает основание для вывода о том, что в ситуации середины 1990-х годов фрустрация относительно будущего затрагивала в равной мере разные возрастные группы старшеклассников — и тех, кто оканчивал основную школу, и тех, кто получал полное среднее образование. Сегодня же есть основания говорить о возрастной динамике: к окончанию школы у учащихся увеличивается степень определенности относительно своего будущего.

Анализ полученных данных показывает, что на представления подростков о своем будущем оказывают влияние социально-стратификационные факторы семьи (как уровень образования родителей, так и уровень материального положения семьи). Чем выше ее статус, тем больший процент школьников склонен фиксировать «отчетливость» представлений о своем будущем. Так, если среди подростков оба родителя которых имеют среднее образование на это указывает 20,9%, то среди подростков, чьи родители получили высшее образование, таких 30,6% ($p=.0001$). Среди подростков из малообеспеченных семей на «отчетливость» планов указывает 22,0%, в среднеобеспеченном слое 26,1%, а в высокообеспеченном уже намного больше — 39,0% ($p=.0001$). Надо заметить, что, наряду с

Таблица 1

Ответы подростков на вопрос о степени сформированности своих жизненных планов (%)

	1996 N=1604	2005 N=1973	P=
Я отчетливо представляю свое будущее	18,4	26,7	,0001
Мои жизненные планы на сегодня не определены	28,6	28,9	—
Я предпочитаю думать о сегодняшнем дне	17,0	15,2	—
Я думаю о своем будущем, но не могу определиться	36,2	29,2	,0001

этими двумя показателями социально-экономического статуса семьи, на сформированность жизненных планов подростков особое влияние оказывает и такой индикатор, как полнота семьи. Так, подростки из семей, в которых родители разведены, заметно чаще склонны ориентироваться на ситуативную стратегию поведения («предпочитаю думать о сегодняшнем дне»), чем учащиеся из полных семей, соответственно: 18,0% и 13,2% ($p=.03$). Таким образом, мы видим, что благополучие семьи (определяемое через комплекс показателей — доход, образование, полнота) в существенной степени влияет на степень сформированности жизненных планов подростка.

Вместе с тем подчеркнем, что на сформированность планов, помимо рассмотренных выше объективных факторов (гендерных, возрастных, социально-стратификационных), влияют и субъективные. Так, например, весьма отчетливо проявляется влияние эмоциональной оценки подростком успешности своих жизненных перспектив: если среди «оптимистов» каждый третий (34,0%) указывает на то, что он «отчетливо представляет свое будущее», то среди «пессимистов» таких вдвое меньше — 17,5% ($p=.002$). Соответственно, указывают на то, что они находятся в проблемной ситуации относительно своего будущего («я думаю о своем будущем, но не могу определиться»), 24,3% «оптимистов» и 37,5% «пессимистов» ($p=.001$). Подчеркнем, что влияние подобных субъективных факторов крайне важно для понимания социокультурной ситуации развития в подростковом возрасте.

Пространство жизненных угроз как диагноз отношения к политической ситуации

Для того чтобы выявить жизненную значимость для подростка различных негативных тенденций, существующих в современном обществе, в ходе опроса мы задавали респондентам специальный вопрос: «Что Вас пугает больше всего?». Результаты ответов школьников по опросам 1996 и 2005 гг. приведены в таблице 2.

Таблица 2

Значимость различных жизненных угроз по опросам старшеклассников 1996 и 2005 гг. (%)

	1996 N=1604	2005 N=1983	P=
Преступность	53,4	54,2	—
Безработица	24,8	25,8	—
Голод и нищета	34,0	44,1	.0001
Отсутствие социальной защиты	12,3	10,2	—
Экономическая нестабильность	18,5	14,5	.01
Национализм	10,0	8,9	—
Военное разрешение национальных конфликтов	16,0	11,5	.01
Гражданская война	39,4	22,7	.0001
Перспектива тоталитаризма	13,2	6,7	.0001
СПИД	30,8	43,9	.0001

Как мы видим, за прошедшие десять лет произошли достаточно существенные структурные изменения относительно значимости тех угроз, которые характеризуют жизненное пространство подростка. Здесь важно выделить несколько содержательных линий. Во-первых, в середине 1990-х годов гораздо острее, чем сегодня, ощущалась тревога по поводу военных и силовых способов решения политических и социальных проблем. Если, например, в 90-е годы в качестве актуальной угрозы для 39,4% подростков выступала возможность гражданской войны, то сегодня таких почти в два раза меньше — 22,7% ($p=.0001$). Со второй по значимости ранговой позиции данная проблема сместилась на пятую. Таким образом, сопоставление результатов двух опросов позволяет сделать вывод о том, что на этапе кардинальных социально-экономических трансформаций, которые связаны с изменением социальных статусов различных групп (первая половина 90-х), угроза гражданской войны была существенно выше, чем в настоящее время. И в этом отношении современная политическая ситуация по характеру внутренних напряжений принципиально иная: передел собственности, затрагивающий широкие массы населения, в основном завершился, и тенденции нового «передела» не столь актуальны. Это крайне важно отметить, поскольку политиче-

ская риторика, характерная, в частности, для партий левой ориентации, осталась прежней; в этом отношении, она, по-видимому, мало привлекательна для молодого поколения.

К этой же линии страхов, связанных с силовыми способами разрешения проблем, относится и «боязнь военного разрешения национальных конфликтов». Число подростков, фиксирующих этот вариант страхов, снизилось. Можно полагать, что само снижение указаний школьников на данную угрозу фиксирует не столько объективное снижение числа межнациональных конфликтов, сколько своеобразное «привыкание» россиян к военным способам разрешения национальных конфликтов (они стали повседневной реальностью).

И, наконец, из приведенных в таблице данных видно, что угроза тоталитаризма отмечается сегодняшним подростком гораздо реже, чем в 1996 г. В этой связи стоит отметить, что партии праворадикального толка, выстраивающие свои политические программы в оппозиции к возможной угрозе тоталитаризма, как и партии левой направленности, не учитывают этих принципиальных изменений в оценке ситуации молодым поколением россиян.

Во-вторых, достаточно интересна тенденция изменения тех угроз, которые касаются собственно экономической ситуации. При этом весьма характерно, что значимость самой угрозы «экономической нестабильности» снижается. Здесь так же, как и при интерпретации угрозы военного разрешения национальных конфликтов, можно высказать предположение о том, что подобное снижение отражает своеобразное «привыкание» к нестабильности экономической ситуации в России. В то же время боязнь «голода и нищеты» существенно возросла: с 34,0% до 44,1%. Это свидетельствует о том, что проблема нищеты сегодня — это отнюдь не абстракция, а та реальность, с которой встречается подросток в своей повседневной жизни. Поэтому угроза оказаться в иной социальной нише выступает как одна из наиболее значимых для современных подростков.

В-третьих, важно обратить внимание на резкий рост числа подростков, указыва-

ющих на боязнь заразиться ВИЧем/СПИДом. Понятно, что в определенной степени высокая значимость этой угрозы отражает именно возрастные особенности данной группы респондентов, для которых сама проблематика сексуальных отношений весьма актуальна и значима. Однако, если в 1996 году на боязнь СПИДа указывали 30,8% подростков, то в 2005 году таких уже 43,9%. Отсюда можно сделать вывод о том, что именно объективная реальность, связанная со стремительным ростом ВИЧ инфицированных и больных СПИДом (что отчетливо фиксируется и современной статистикой), отражается также и на субъективном уровне переживаний подростком своих основных жизненных угроз.

Завершая сопоставление результатов двух опросов, представленных в таблице 2, следует обратить внимание на то, что относительно других аспектов (таких, как «преступность», «безработица», «отсутствие социальной защиты», «национализм») различий в ответах школьников не обнаруживается. Это, с одной стороны, свидетельствует о валидности используемого нами инструментария (результаты совпадают порой вплоть до десятых долей процента), а с другой, показывает, что подобные «угрозы» носят во многом идеологический характер, определяя структуру и иерархическую шкалу тех «ценностей», которые фиксируют общее неблагополучие социально-экономической ситуации.

Помимо сопоставления результатов двух опросов 1996 и 2005 гг., которое направлено на определение изменений в оценке социокультурной ситуации за прошедшие десять лет, остановимся на влиянии демографических и социально-стратификационных факторов.

Анализ полученных данных показывает, что девочки по сравнению с мальчиками склонны гораздо чаще фиксировать жизненные угрозы, связанные с различными видами агрессивных действий: «преступность» (соответственно: 58,8% и 50,0%, $p=.0001$), «военное разрешение национальных конфликтов» (14,6% и 8,6% $p=.0001$), «гражданская война» (28,1% и 17,6%, $p=.0001$). Помимо этого, девочки чаще отмечают боязнь такой угрозы, как «голод и нищета»

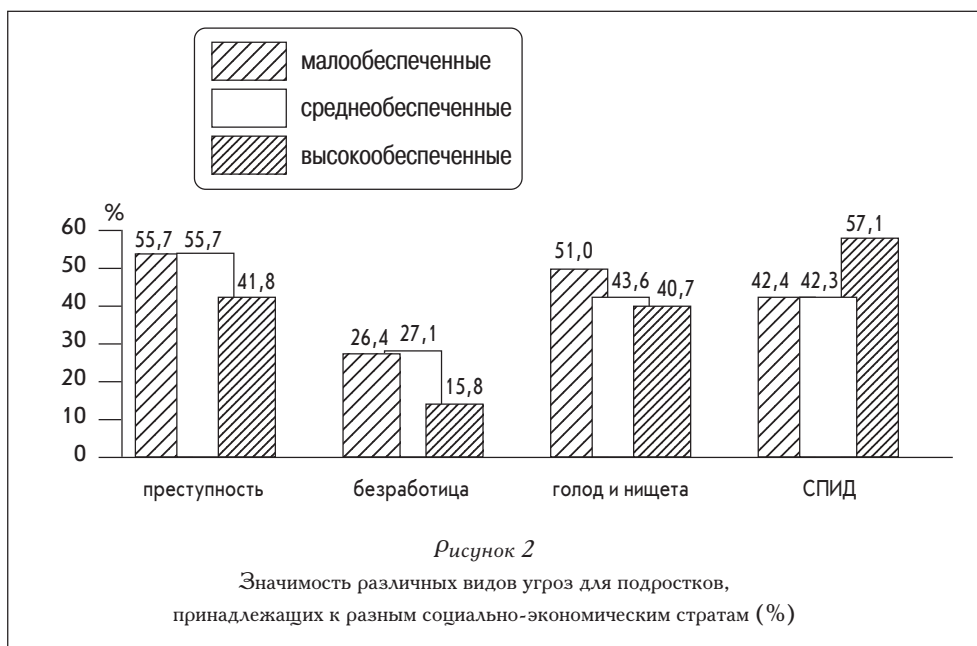
(49,9% и 38,7%, $p=.0001$). Пожалуй, единственной угрозой, которая чаще отмечается мальчиками, является «безработица» (соответственно: 27,6%, 23,8%, $p=.04$). Можно полагать, что подобная тенденция обусловлена опасением мальчиков относительно успешности реализации ими традиционалистской модели мужского поведения, которая, в частности, предполагает обеспечение семьи.

Обращаясь к анализу возрастной динамики, следует отметить, что от 9-го к 11-му классу заметно снижается значимость такой угрозы, как «преступность» (с 57,8% до 49,9%, $p=.0004$), и параллельно возрастает значимость «экономической нестабильности», соответственно: 11,0% и 19,8% ($p=.0001$). Это дает основания предположить, что, несмотря на отмеченное выше «привыкание» к нестабильности, на этапе окончания школы, при конкретизации жизненных планов, связанных в значительной степени с профессиональным самоопределением, угроза «экономической нестабильности» начинает играть более значимую роль.

Наряду с демографическими факторами, проявляется и влияние социально-стратификационных. На рисунке 2 приведены данные относительно тех угроз, где проявились статистически значимые различия между учащимися из разных экономических страт.

Приведенные данные фиксируют, что дети из менее обеспеченных семей по сравнению с высокообеспеченными в целом чаще указывают на такие аспекты, как преступность, безработица, голод и нищета. При этом отметим два характерных момента. Так, дети из низкообеспеченного и среднеобеспеченного слоев одинаково относятся к таким угрозам, как «преступность» и «безработица». Для них они гораздо более значимы, чем для подростков из высокообеспеченных семей. В то же время значимость угрозы «голода и нищеты» явно дифференцирует подростков из малообеспеченных семей от учащихся из семей со средним и высоким уровнем достатка.

Достаточно неожиданным оказалось влияние уровня дохода на отношение подростков к такой угрозе, как СПИД: учащиеся из малообеспеченных и среднеобеспеченных семей фиксируют эту угрозу реже, чем учащиеся из высокообеспеченных семей. Можно полагать, что боязнь заражения СПИДом выступает как своеобразная *социальная граница* для подростков из высокообеспеченных семей. В противоположность экономическим угрозам именно боязнь заражения СПИДом их пугает больше, чем остальных, поскольку экономическое благополучие от подобной угрозы подростка не защищает. Характерно в этом отношении и

то, что демографические факторы, такие, как возраст или пол, не проявили какого-либо значимого влияния на отношение подростков к СПИДу. Его в равной степени боятся как учащиеся 9-х, так и 11-х классов, как юноши, так и девушки.

И, наконец, стоит отметить влияние и такого параметра, как принадлежность к той или иной национальной группе. Так, например, среди тех школьников, кто идентифицирует себя как русский и у кого оба родителя русские, 6,9% указывают на то, что они боятся национализма. Среди полукровок, у кого лишь один из родителей русский, боятся национализма 11,7% (различия с русскими статистически значимы на уровне .01), а среди тех, кто идентифицирует себя как нерусский и у кого оба родителя нерусские, отмечают как значимую для себя угрозу «проявление национализма» практически каждый пятый — 19,7%. (различия с полукровками $p=.04$, а с русскими $p=.0001$).

Таким образом, мы видим, что значимость различных видов угроз в подростковой среде особым образом структурируется при уточнении социальной идентификации подростка: при анализе влияния демографических характеристик иерархия угроз структурируется иначе, чем при акценте на социально-стратификационные параметры или параметры национальной принадлежности.

Экономическое неравенство: страхи и жизненные перспективы

В этом разделе мы попытаемся обобщить приведенные выше данные, выделив в качестве основной для обсуждения темы вопрос об экономическом неравенстве. Как мы только что отметили, на оценку подростком значимости различных жизненных угроз влияют и возрастные, и гендерные, и социально-стратификационные факторы. Однако в силу стремительного расслоения подростковой субкультуры именно по экономическим параметрам, которые играют все большую роль в получении различного рода образовательных услуг, в приобщении к

культуре, доступе к информационно-компьютерным технологиям и т.д., вопрос о возможных жизненных угрозах и об оценке подростком своей дальнейшей жизненной успешности представляется нам сегодня особенно важным именно в контексте экономического неравенства.

С этой целью мы провели специальный факторный анализ полученных в ходе социологического опроса материалов. Для этого была сформирована матрица сырых данных, где по строкам располагались варианты ответов на рассмотренные нами выше три вопроса: об эмоциональной оценке успешности своих жизненных перспектив, о сформированности планов на будущее и об оценке значимости различных жизненных угроз. Столбцы матрицы представляют подвыборки мальчиков и девочек разного уровня экономической обеспеченности (низкообеспеченные, среднеобеспеченные и высокообеспеченные). Ячейка матрицы (пересечение строки и столбца) представляет собой процент выбравших соответствующий вариант ответа в соответствующей подвыборке. Сформированная таким образом матрица общей размерностью 17 (строки) X 6 (столбцы) была факторизована методом главных компонент с последующим вращением Varimax Кайзера. В результате факторного анализа были выделены четыре фактора, описывающие 96,9% суммарной дисперсии.

Структура первого фактора F1 (44,8%) «оптимизм — сомнение в жизненной успешности, неопределенность жизненных планов» выглядит следующим образом:

Я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день	.96
Меня пугает перспектива тоталитаризма	.85
Меня пугает отсутствие социальной защиты	-.95
Я сомневаюсь в том, что жизнь сложится удачно	-.92
Мои жизненные планы на сегодня не определены	-.86
Меня пугает безработица	-.75

Данный фактор достаточно прост по своей структуре. На его отрицательном полюсе фиксируется явная связь между сомнением подростка в успешности своих жизненных перспектив и неопределенностью жизненных планов. Подчеркнем, что

подобная эмоциональная оценка своего будущего («сомнение» и «неопределенность») связана со значимостью параметров, касающихся социально-экономической ситуации: «отсутствие социальной защиты», «безработица». В отличие от отрицательного полюса противоположный положительный полюс фактора характеризует оптимистическую оценку подростком своих жизненных перспектив. Причем подобному оптимизму соответствует боязнь угроз, касающихся не экономической, а социально-политической ситуации: «тоталитаризм», «гражданская война», «СПИД». Таким образом, мы видим, что жизненный оптимизм в сознании подростка оказывается как бы «оторван» от проблем экономического характера и связывается с общими социальными и политическими аспектами.

Анализ размещений по оси данного фактора различных подвыборок старшеклассников показывает, что на его отрицательном полюсе разместились мальчики и девочки из семей с низким уровнем дохода, а на положительном — учащиеся из средних и высокообеспеченных страт. Иными словами, данный фактор четко дифференцирует учащихся по уровню дохода. Это позволяет сделать вывод о том, что подростки из низкообеспеченных семей характеризуются «неопределенностью» своих жизненных планов и «сомнением» в успешности своих жизненных перспектив. Причем подобная неуверенность и неопределенность явно коррелируют с экономическими аспектами: угроза безработицы и страх из-за отсутствия социальной защиты. В этой связи важно подчеркнуть, что собственно патерналистские установки («социальная защита») явно проявляются именно в низкообеспеченных социальных стратах. Причем характерно, что подобная ориентация именно как ценностная жизненная установка формируется уже на этапе подростничества.

Структура второго фактора **F2 (33,7%)** «отчетливость жизненных планов — проблематизация жизненных планов, ситуативность» выглядит следующим образом:

Я отчетливо представляю свое будущее	.82
Меня пугает экономическая нестабильность	.81
Я думаю о своих планах, но не могу определиться	-.96
Меня пугают голод и нищета	-.96
Меня пугает преступность	-.91
Я предпочитаю думать о сегодняшнем дне	-.80
Меня пугает перспектива гражданской войны	-.68

Как мы видим, положительный полюс данного фактора характеризуется установкой на определенность и четкость планирования своего будущего. Отрицательный же полюс, напротив, фиксирует либо ситуативное поведение, либо проблематизацию будущего. При этом заметим, что в отличие от предыдущего фактора, который также фиксировал аспект неопределенности жизненных планов (сомнение в их успешности — отрицательный полюс фактора **F1**), в данном случае оппозиция определенность—неопределенность жизненных планов не связывается с эмоциональной оценкой успешности/неуспешности своих жизненных перспектив. В определенном смысле это безоценочная шкала, задающая оппозицию «отчетливость—неотчетливость» своего будущего.

Продолжая содержательную интерпретацию данного фактора, обратим также внимание, на то, что установка, связанная с отчетливостью представлений о своем будущем, явно коррелирует с угрозой экономической нестабильности. Сам по себе этот факт, на наш взгляд, крайне важен, поскольку показывает, что стратегическое планирование подростком своего будущего оказывается в тесной зависимости от угрозы экономической нестабильности. Скажем иначе: построение жизненных стратегических программ явно затруднено в ситуации экономической нестабильности. Так же, как и в экономике, когда в ситуации нестабильности оказываются эффективными стратегии, ориентированные на короткие циклы деятельности («короткие деньги»), так и при построении *жизненных стратегий* в ситуации экономической нестабильности оказывается затрудненным стратегическое планирование своего будущего (начинают доминировать «короткие мысли»).

Отрицательный полюс данного фактора фиксирует корреляцию ориентации на ситуативное поведение («думаю о сегодняшнем

дне») со значимостью ключевых социальных проблем, определяющих кризисное состояние социально-экономической ситуации («голод и нищета», «преступность», «гражданская война»). Таким образом, установка на ситуативное поведение актуализирует значимость конкретных параметров социально-экономического кризиса. В этой связи заметим, что, придерживаясь ситуативной стратегии относительно собственного будущего, подросток перечисляет конкретные индикаторы, связанные с базовыми витальными потребностями: голод, нищета, физическое благополучие. Именно давление этих потребностей и проблематизирует будущее: «думаю о своих планах, но не могу определиться».

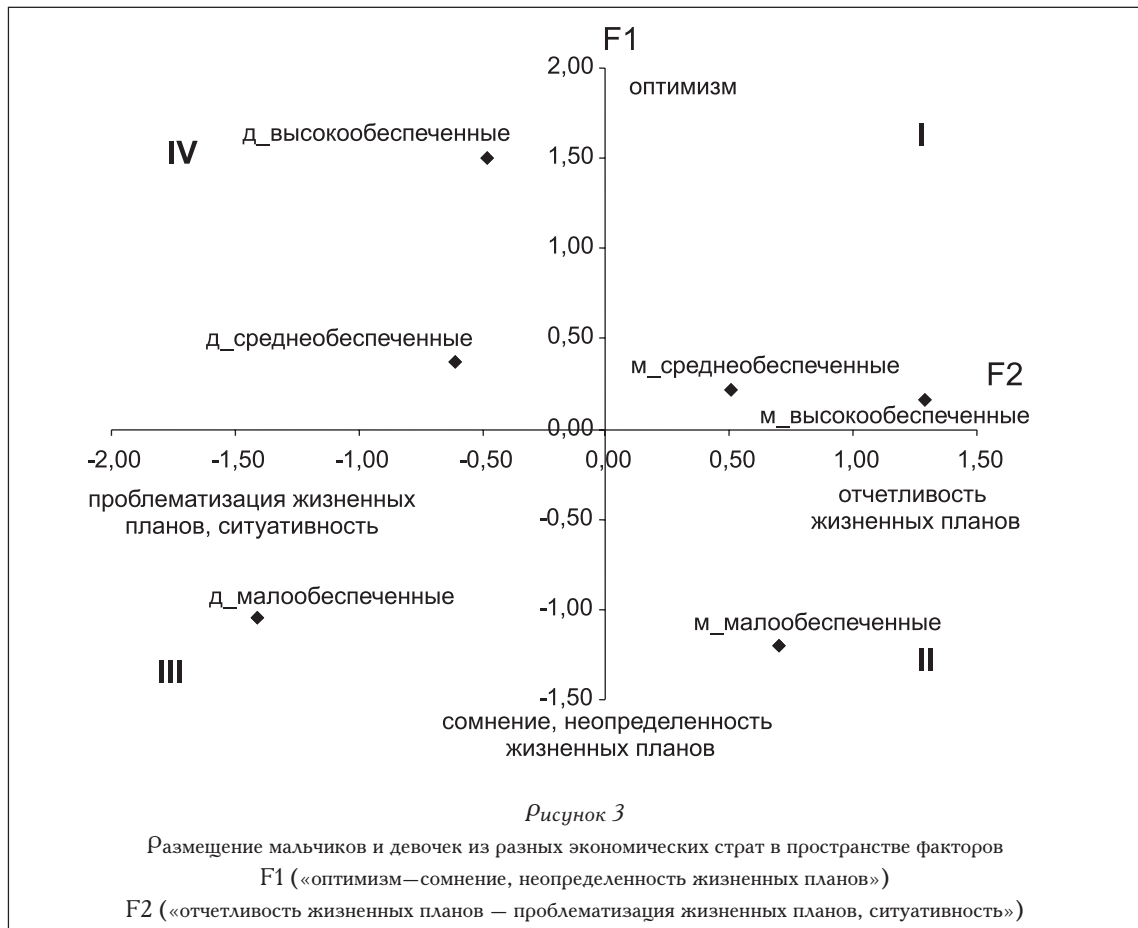
Отметим, что данный фактор четко дифференцирует ориентации мальчиков и девочек: девочки разместились на его отрицательном полюсе, а мальчики на положительном.

Два остальных фактора униполярны и просты по своей структуре.

Так, третий фактор **F3** (10,3%) объединил такие угрозы, как национализм (.78) и военное разрешение национальных конфликтов (.75). В целом его можно обозначить как комплекс угроз, связанных с национальными проблемами в России, которые и выделяются как особая линия угроз. При этом важно подчеркнуть, что данные угрозы не коррелируют ни со сформированностью планов подростка, ни с оценкой их успешности.

Последний же четвертый фактор **F4** (8,2%) определяется лишь одной шкалой: «пессимизм» в оценке своего будущего (.89).

Для уточнения своеобразия жизненных ориентаций подростков, принадлежащих к разным экономическим стратам, рассмотрим особенности их размещения в пространстве двух наиболее мощных по вкладу в общую суммарную дисперсию факторов **F1** и **F2** (см. рисунок 3).

На рисунке отчетливо видны как гендерные различия (которые задаются фактором F2), так и социально-стратификационные (определяемые фактором F1). Как мы видим, мальчики из низкообеспеченных семей (см. квадрант II) явно находятся в конфликтной жизненной ситуации. Причем смысловым центром конфликта является сомнение в успешности реализации своих жизненных перспектив. Подобное сомнение связывается, с одной стороны, с отчетливостью представлений о своем будущем (которое можно рассматривать как «предопределенность»), а с другой, напротив, с «неопределенностью», которую можно интерпретировать как своеобразное *нежелание смириться* с «объективной» ситуацией, связанной с социально-стратификационным положением собственной семьи. Этой жизненной позиции соответствует своеобразный комплекс жизненных угроз (страхов): *безработица, отсутствие социальной защиты, экономическая нестабильность*.

Иные жизненные ориентации у мальчиков из средне- и высокообеспеченных семей (см. квадрант I). Здесь отчетливость представлений подростков о своем будущем (+F2) коррелирует с оптимистичной оценкой своих жизненных перспектив (+F1). Иными словами, в данном случае, отсутствует внутренняя конфликтность и проблематизация жизненной успешности. При этом основные угрозы и страхи касаются не столько экономической ситуации, сколько общего социально-политического контекста: *перспектива тоталитаризма, гражданская война, экономическая нестабильность, СПИД*. В этой связи заметим, что в данном социальном слое возможности введения тоталитарного режима правления связываются с такими угрозами, как экономическая нестабильность и гражданская война.

Несмотря на сходство, определяемое логикой размещения низкообеспеченных, среднеобеспеченных и высокообеспеченных школьников (как мальчиков, так и девочек) по оси фактора F1, у девочек смысловые позиции относительно оценки своего будущего в содержательном плане весьма существенно отличаются от позиций мальчиков. Так, для девочек из низкообеспеченных семей

характерны не только сомнения относительно успешности собственной жизни, но и ориентация на ситуативное поведение в отношении своего будущего, проблематизация жизненных планов (-F2). При этом здесь явно доминирует комплекс страхов перед угрозами социально-экономического характера: *голод и нищета, безработица, отсутствие социальной защиты, преступность*.

Девочки же из среднеобеспеченных и особенно высокообеспеченных семей явно проявляют оптимизм в оценке собственных жизненных перспектив, ориентируясь при этом на ситуативный тип поведения. Угрозы для своего будущего здесь в целом носят социальный характер и зависят скорее от ситуации возможного общего кризиса: перспектива тоталитаризма, СПИД, гражданская война, преступность, голод и нищета.

Таким образом, анализ размещений различных групп подростков в пространстве факторов F1 и F2 позволяет охарактеризовать своеобразие смысловых позиций в отношении к жизненным планам, перспективам и жизненным угрозам мальчиков и девочек из низко-, средне- и высокообеспеченных социальных страт.

* * *

Завершая статью, выделим три наиболее существенных, на наш взгляд, момента.

1. Эмоциональная оценка успешности своих жизненных перспектив, определенность жизненных планов и значимость различных жизненных угроз выступает как своеобразный содержательный комплекс, дифференцирующий смысловую позицию подростков из разных социальных страт. В этом отношении полученные материалы показывают неоднозначность подростковой субкультуры, позволяя выявить содержательные напряжения между подростками из разных социальных страт.

2. Полученные данные показывают сложную социокультурную динамику в оценке жизненных планов и перспектив у девушек и юношей из разных социальных страт,

которая произошла в течение последних десяти лет. При этом важно обратить особое внимание на «смещение границ» в дифференциации позиций, с одной стороны, низкообеспеченного слоя и, с другой, среднеобеспеченного и высокообеспеченного. Дифференциация позиций становится все более жесткой. «Сильные» слои «уходят в отрыв» от более слабых экономических страт. Эти тенденции проявились как в ответах на отдельные вопросы, так и в результате факторного анализа, который выявил взаимосвязи в ответах на разные вопросы.

3. Процесс социальной стратификации в подростковой субкультуре требует разработки специальных воспитательных педагогических программ, направленных на поддержку позитивного жизненного самоопределения подростков из слабых социальных страт.

Литература

1. Собкин В.С., Левинсон А.Г., Гражданкин А.И. и др. Школа — 1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы. — М.: ВНИК “Школа”, 1988. 36 с.
2. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. — М., 1994. 151 с.
3. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. — М., 1992. 159 с.
4. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование — М.: ЦСО РАО, 1997. — 320 с.